

Н.В. Новиков

Коммуникативные особенности цифровой дипломатии в медийном пространстве

Статья посвящена анализу коммуникативных стратегий манипуляции и дискредитации в сфере нового коммуникативного пространства — цифровой дипломатии. Анализируется сопряженность цифровой дипломатии с публичной дипломатией и медийной сферой.

Ключевые слова: цифровая дипломатия; медийное пространство; твитпломатия; манипуляция; дискредитация.

Термин «цифровая дипломатия» («интернет-дипломатия», «дипломатия социальных сетей» или «Web 2.0 дипломатия») изначально использовался в отношении публичной политики США, проводимой с опорой на цифровые технологии [10: с. 114]. Такая дипломатия активно задействует возможности Интернета и информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для решения дипломатических задач.

Современное «информационное общество» характеризуется постоянной вовлеченностью человека в аудиовизуальные потоки сетевого и синергейного типа коммуникации [4: с. 55], что обуславливает применение в рамках цифровой дипломатии новых медиа, социальных сетей, блогов и других медиаплощадок глобальной сети [10: с. 112]. В электронной дипломатии принимают участие в первую очередь внешнеполитические, правительственные органы, а также неправительственные организации, чья деятельность связана с реализацией внешнеполитической повестки дня [6].

Наблюдается высокий уровень персонификации цифровой дипломатии, когда дипломаты ведут информационные блоги в социальных сетях, таких, как Facebook и Twitter. Цифровая дипломатическая площадка продвигает внешнеполитические интересы через интернет-телевидение, социальные сети, мобильные телефоны и направлена на массовое сознание и политические элиты [5].

Так, цифровая дипломатия (*la diplomatie numérique*) официально объявлена одним из приоритетных направлений развития МИД Франции [2]. Формируется дискурс цифровой дипломатии, который по аналогии с медиадискурсом можно трактовать как инструмент виртуальной культуры продвижения и культуры медиапропаганды [7: с. 67].

Виртуальная культура, понимаемая, вслед за Л.М. Земляновой, как комплекс форм и приемов восприятия и моделирования реальности с помощью компьютерной техники, на которой основывается сетевая логика информационного общества и переход к нему, занимает все более значимое место в современной

жизни [12: с. 348]. Виртуальное пространство напрямую влияет на события и людей в зарубежных странах, даже находясь за границами суверенного и международного права, меняет информационную картину [9]. Такое игнорирование медийных фильтров цифровой дипломатии представлено в дискурсивном пространстве: 1) текстами на цифровом портале внешнеполитических ведомств; 2) сообщениями, создаваемыми видными дипломатами в личных блогах на социальных порталах.

Обратимся к разделу «Dossiers pays» на официальном портале МИД Франции, который позволяет получить актуальную характеристику международных отношений Франции с любым государством. Наблюдается нарушение норм дипломатического дискурса, отступление от традиционных сдержанности и некатегоричности при характеристике государственных режимов других стран: «*Considérant que l'élection présidentielle syrienne organisée par le régime de Bachar al-Assad constitue une parodie de scrutin, la France a fait usage du choix qu'offre la Convention de Vienne sur les relations consulaires du 24 avril 1963, dont l'article 5.m) autorise les pays hôtes à s'opposer à la tenue d'un scrutin sur l'ensemble de leur territoire*» [2].

Используя номинацию *parodie de scrutin* (пародия на выборы) в тексте, представители пресс-службы французского МИД показывают мировой интернет-общественности негативный образ действующего режима в Сирии, характеризуя его как нелегитимный. Происходит дискредитация правительства Асада, тем самым мотивируется невозможность установления равновесных дипломатических отношений.

В последнее время в системе международного политического общения важное место стали занимать социальные сети, в частности Twitter, позволяющие получать информацию о мировой политике непосредственно от участников международного общения, минуя медийных посредников (пресс-службы, СМИ). Объяснение феномена *твитпломатии* связано с увеличивающейся потребностью политиков в расширении контактов с людьми [4]. Вместе с тем это сопряжено с определенным риском, так как традиционные медийные фильтры в подобной практике общения не действуют, хотя современные аналитики сетевой политики подчеркивают, что «Твиттер нужно использовать не в качестве Интернет-оружия, а в качестве конструктивного инструмента распространения информации». В практике дипломатической коммуникации Twitter служит проводником дискурсивной категоричности» [1]. В частности, исследователи отмечают, что Twitter стал модным инструментом для монтажа и дестабилизации в информационной и психологической войне [11].

Характер предоставляемой информации во многом определяется ключевыми особенностями дискурса твитпломатии, в частности объемом твитов (коротких сообщений в микроблоге Twitter), который не может превышать 140 символов [13]. Следовательно, полноценную характеристику комментируемого события дать невозможно, упор делается на образные номинации, нередко несущие недопустимую для дискурса дипломатии сверхотрицательную коннотацию.

Обратим внимание на то, что французский язык — официальный язык на сайте МИД Франции. Однако в социальных сетях французские дипломаты используют преимущественно английский язык. Следовательно, они в микро-блогах информируют в первую очередь иностранных граждан. При этом важные твиты пишутся крупным шрифтом с целью привлечь особое внимание общественности. Дискурс англоязычных твитов французских дипломатов можно условно подразделить на нейтральный, агрессивный и лаудативный, комплиментарный.

Нейтральные твиты выполняют, как правило, информационную функцию, направлены на информирование общественности о внешнеполитических событиях и не содержат в себе оценочных суждений. Агрессивный дискурс дипломатических твитов носит манипулятивный характер. В качестве примера приведем твит г-на Жерара Аро, постоянного представителя Франции при ООН: «We think that Bashar and ISIS are *the two sides of the same coin*. French MFA Fabius to the WSJ» [3: <https://twitter.com/gerardaraud@GerardAraud> 2.06.2015].

В твите, набранном крупным шрифтом, как особо важном, дипломат цитирует своего непосредственного руководителя, министра иностранных дел Франции Лорана Фабиуса, солидаризируясь тем самым с его позицией. Твиттер дипломата предстает площадкой для распространения дискредитирующего образа главы Сирии Башара Асада. Прием дискурсивной агрессии состоит в сопоставлении сирийского лидера с террористической организацией. Таким образом, в сознании мирового сообщества за ним пытаются закрепить ярлык террориста.

Второй твит Жерара Аро, напротив, является ярким примером лаудативного, комплиментарного дискурса: «Quand on me demande ce qui me frappe le plus aux US, je répons: *la gentillesse, l'énergie et l'esprit positif des Américains*» [3: <https://twitter.com/gerardaraud@GerardAraud> 8.06. 2015].

Используя термины с положительной коннотацией, дипломат стремится продемонстрировать лояльность к внешней политике США, а также способствовать формированию проамериканской позиции у интернет-общественности.

Иногда во французских твитах может наблюдаться смешение двух языков в одном текстовом сообщении, что делается с тем, чтобы на дискурсивном уровне подчеркнуть близость французской и американской культур и приоритетов во внешней политике: «*Charming, délicieux!* But why to choose? We love both: TheAtlanticVID: Paris or New York?» [3: <https://twitter.com/gerardaraud@GerardAraud> 26.05.2015].

Одна из важнейших задач исследования дипломатического дискурса — выявление его интенциональной структуры [8: с. 47]. В дискурсе цифровой дипломатии структурной основой являются аналогичные медийным средства воздействия на адресата. Изменение коммуникативного пространства оказало влияние на медиатизацию дипломатического дискурса. Медийность дипломатии обусловила отход на второй план ее традиционной некатегоричности и сдержанности. Это создает определенную опасность, так как к дипломатическим источникам информации мировое сообщество относится с бóльшим доверием, чем к прессе.

Дипломатические позиции находят яркое выражение на уровне определенных приемов воздействия, как правило, носящих идентичный характер

с приемами из сферы масс-медиа. Так, в исследованных примерах использовались дискредитация и делигитимация, а также противоположные им солидаризация и восхваление. При этом стиль описания, механизмы, способы и средства языкового воздействия обусловлены особенностями аудитории: дискурс цифровой дипломатии направлен не на статусных участников процессов мировой политики, а на массовую аудиторию.

Библиографический список

Источники

1. Отдел новостей и СМИ радио ООН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/185093/#.VYP42vntmko> (дата обращения: 29.06.2015).
2. France Diplomatie [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/> (дата обращения: 27.06.2015).
3. Twitter [Электронный ресурс]. URL: <https://twitter.com/> (дата обращения: 27.06.2015).

Литература

4. Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф. Структуры моделирования ценностных ориентиров дискурса социальной реальности в масс-медийном коммуникативном пространстве // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2014. № 2 (14). С. 55–63.
5. Зиновьева Е.С. Россия во всемирной паутине: цифровая дипломатия и новые возможности в науке и образовании [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=121#top-content (дата обращения: 28.06.2015).
6. Зиновьева Е.С. Цифровая дипломатия, международная безопасность и возможности для России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf> (дата обращения: 27.06.2015).
7. Русакова О.Ф. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14. Вып. 4. С. 65–77.
8. Терентий Л.М. Интенциональная структура дипломатического дискурса: беседы между Л.И. Брежневым и Р. Никсоном // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2011. № 2 (8). С. 47–56.
9. Трофименко Н.В. Цифровая дипломатия как одно из направлений публичной дипломатии [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2617/2200_13689_ecbb0a.pdf (дата обращения: 27.06.2015).
10. Цветкова Н.А. Программы Web 2.0 в публичной дипломатии США // США и Канада: Экономика, политика, культура: периодика. 2011. № 3. С. 109–122.
11. Viloría E. La guerra mediática a través de twitter [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aporrea.org/medios/a196347.html> (дата обращения: 29.06.2015).

Словари и справочные издания

12. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации: Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 416 с.
13. Твитт.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://twtt.ru/slovar/tweet.html> (дата обращения: 28.07.2015).

References

Istochniki

1. Otdel novostej i SMI radio OON [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/185093/#.VYP42vntmko> (data obrashheniya: 29.06.2015).
2. France Diplomatie [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/> (data obrashheniya: 27.06.2015).
3. Twitter [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://twitter.com/> (data obrashheniya: 27.06.2015).

Literatura

4. *Vikulova L.G., Serebrennikova E.F.* Struktury' modelirovaniya cennostny'x orientirov diskursa social'noj real'nosti v mass-medijnom kommunikativnom prost-ranstve // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2014. № 2 (14). S. 55–63.
5. *Zinov'eva E.S.* Rossiya vo vsemirnoj pautine: cifrovaya diplomatiya i novy'e vozmozhnosti v nauke i obrazovanii [E'lektronny'j resurs]. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=121#top-content (data obrashheniya: 28.06.2015).
6. *Zinov'eva E.S.* Cifrovaya diplomatiya, mezhdunarodnaya bezopasnost' i vozmozhnosti dlya Rossii. [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.pircenter.org/media/content/files/10/13559069820.pdf> (data obrashheniya: 27.06.2015).
7. *Rusakova O.F.* Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty' politicheskoy kommunikativistiki // Nauchny'j ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN. 2014. T. 14. Vy'p. 4. S. 65–77.
8. *Terentij L.M.* Intencional'naya struktura diplomaticheskogo diskursa: besedy' mezhdru L.I. Brezhnevym i R. Niksonom // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2011. № 2 (8). S. 47–56.
9. *Trofimenko N.V.* Cifrovaya diplomatiya kak odno iz napravlenij publichnoj diplomatii [E'lektronny'j resurs]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2617/2200_13689_ecbb0a.pdf (data obrashheniya: 27.06.2015).
10. *Czvetkova N.A.* Programmy' Web 2.0 v publichnoj diplomatii SShA // SShA i Kanada: E'konomika, politika, kul'tura: periodika. 2011. № 3. S. 109–122.

Slovary i spravochny'e izdaniya

11. *Zemlyanova L.M.* Kommunikativistika i sredstva informacii: Anglo-russkij tolkovy'j slovar' koncepcii i terminov. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2004. 416 s.
12. Twitt.ru [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://twitt.ru/slovar/tweet.html> (data obrashheniya: 28.07.2015).

N.V. Novikov

Communicative Particularities of Digital Diplomacy in Media

The paper deals with the analysis of the communicative strategies of manipulation and discrediting in the new communicative area of digital diplomacy. The origins of the digital diplomacy, its connections with public diplomacy and media are analyzed.

Keywords: digital diplomacy; media space; twiplomacy; manipulation; discrediting.